

ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА *

Проблема изучения жилищно-поселенческого комплекса селенгинских бурят не получила должного освещения в отечественной этнографии. Настоящая работа посвящена выявлению основных тенденций в развитии поселений и жилищ данной этнотерриториальной группы бурят во второй половине XIX – начале XX в. Источниковую базу исследования составили архивные, статистические и литературные материалы. Выяснено, что в рассматриваемый период происходил рост числа поселений, менялось соотношение разных типов жилищ, появлялись новации в народной архитектуре (в частности, в бревенчатой юрте), наряду с заимствованием домов русско-сибирского типа создавались гибридные типы жилищ.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, селенгинские буряты, жилищно-поселенческий комплекс.

История поселений и жилищ представляет недостаточно изученную тему в этнографии бурят. Между тем жилищно-поселенческий комплекс является важной компонентой традиционной системы жизнеобеспечения и без его исследования невозможна реконструкция культурогенеза и, в целом, истории бурятского этноса. Современный уровень исследований требует более глубокого анализа проблемы на уровне основных этнических подразделений, рассмотрения ее в исторической динамике. В качестве объекта исследования нами взят один из субэтносов – селенгинские буряты, во второй половине XIX – начале XX в., в основном объединявший представителей родовых сообществ предбайкальского и монгольского происхождения. В бурятоведческой литературе сложился определенный багаж знаний о поселениях и жилищах селенгинских бурят, но специального изучения этой темы до сих пор не предпринималось.

В работе ставится цель выявить основные тенденции в развитии поселений и жилищ селенгинских бурят во второй полови-

не XIX – начале XX в. Источниками для работы служат архивные, статистические и литературные данные.

Вторая половина XIX в. характеризовалась усилением миграционного потока в Забайкалье. Вследствие этого происходило изъятие части бурятских земель в переселенческий фонд. Имел место также рост случаев самовольного захвата переселенцами сенокосных угодий. В то же время естественный демографический рост бурятского населения при сохранении скотоводческого уклада приводил к дефициту пастбищ и влиял на интенсивность перекочевков. Согласно Я. С. Смолеву, причина разницы в числе совершаемых селенгинскими бурятами сезонных миграций крылась в состоянии самих пастбищ [1900].

В рассматриваемое время у бурят Селенгинского ведомства менялось соотношение между различными хозяйственно-бытовыми группами. Крупные скотоводы и их наемные пастухи продолжали вести круглогодичное отгонное скотоводство (10–20 кочевков в течение года), делая дальние переезды,

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

иногда в Монголию; они представляли кочевое население. Владельцы средних по размеру стад, совмещавшие занятие скотоводством с луговодством, на летних и осенних пастбищах ведшие отгонное скотоводство, а зимой содержавшие лошадей и овец на подножном корму, крупный рогатый скот в стойле, являлись полукочевым населением (6–7 кочевков в течение года). Владельцы средних по размеру стад, оставаясь скотоводами, занимались луговодством и картофелеводством и практиковали 3–4-х разовые сезонные перекочевки; они принадлежали к полuosедлому населению. Владельцы небольших стад, делавшие две перекочевки (на летник и зимник) и уделявшие много времени земледелию, луговодству, огородничеству и картофелеводству, были также полuosедлыми. Оседлые буряты по характеру хозяйственной деятельности не отличались от основного русского сельского населения.

Динамическая пропорция среди обозначенных выше групп была таковой: первая и вторая группы постепенно сокращались, третья и четвертая – увеличивались, пятая группа также численно росла. В источниках прямо указывается на принадлежность основной массы бурят к четвертой группе: «...значительная часть их (селенгинских бурят. – А. Б.) кочуют лишь с летника на зимние стойбища»¹. Хотя под влиянием экономических и демографических процессов происходило размывание прежней структуры населения, географическая соотнесенность между доминированием тех или иных форм скотоводства и конкретными этническими группами селенгинских бурят, в целом, сохранялась. Например, кочевая и полукочевая формы скотоводства характеризовали большинство джидинских бурят, принадлежавших к монгольским родам, а полuosедлый быт был типичен для представителей эхирит-булагатских родов.

Нужно помнить, что представители первой и второй хозяйственно-бытовых групп, подобно третьей группе, могли иметь все виды сезонных стоянок [Петерсон, 1901. С. 32].

Архивные материалы убеждают в том, что удельный вес оседлых продолжал возрастать в течение второй половины XIX в. Если в начале 50-х гг. XIX в. представители

этой хозяйственно-бытовой группы проживали в двух населенных пунктах (деревнях Зарубинское и Стрелочное), то по данным на 1859 г. оседлые буряты (1,5 % селенгинских бурят) населяли три деревни: Зарубинское (198 чел.) – 28 домов (в среднем число жильцов одного дома достигало 7,1 чел.), Стрелочное (136 чел.) – 39 домов (3,5 чел.), Холуйское – (42 чел.) – 5 домов (8,4 чел.)². Кроме жителей селения Стрелочного остальные оседлые находились в тяжелых жилищных условиях – один дом населяли примерно 7–8 чел. Наряду с наличием отдельных компактных поселений, для оседлых было характерно дисперсное проживание в улусах полукочевых и полuosедлых бурят. Так, оседлые упоминаются в составе Бабайхоромчиевского (4 чел.), 2-го Ченорутского (38 чел.) и Сартолова родов (7 чел.)³.

К 1875 г. доля оседлых в структуре селенгинских бурят увеличилась – их численность составила 1 315 чел. (4 % селенгинских бурят). В последующий период значение оседлого населения поступательно росло. По Первой всеобщей переписи 1897 г., оседлые компактно жили в 6 селениях, наиболее крупным из которых было Иннокентьевское село, насчитывавшее 42 хозяйства (220 чел.) [Патканов, 1912. С. 672–673]. Интересно, что число жителей сел Зарубинское и Стрелочное относительно конца 50-х гг. XIX в. почти не изменилось. Исчезает из списка населенных мест Холуйское селение. Общая численность оседлых бурят в упомянутых поселениях составляла 579 чел., а это означает, что большинство оседлых, как и прежде, проживало в улусах среди полuosедлых и полукочевых бурят.

По документам Селенгинской степной думы 50–60-х гг. XIX в. выходит, что местная думская администрация под улусами понимала территориальные роды (в 1860 г. их было 20), приблизительно так же, как это было принято в монгольской традиции (улус – страна, народ). При этом ни слова не сообщается о существовании постоянных населенных пунктов у так называемых кочевых бурят. В источниках по этому поводу находим следующего рода пояснение: «...в сей ведомости число душ кочующих ино-родцев показано по родам, потому как ино-

¹ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3262. Л. 53.

² Там же. Д. 2815. Л. 85 об., 86.

³ Там же. Д. 3075. Л. 22–24.

родцы кочуют не селением, а в рассеянности по разным местам и один с другим родом смешанно»⁴. Места кочевания представителей тех или иных бурятских родов можно определить по архивным данным. Часть мест кочевков располагалась на открытых пространствах Селенгинской степи – на Гусином озере, Бараньем, Большом, Каральном, Шарашобоирском и Хонгорском лугах. Большинство же из них лежало в различных урочищах (межгорных падах): Адаке, (двум) Алцагатам, Алцагатуе, Алцаке, Ару, Аце, Ацуле, Билютае, Боргое, Бургастае, Бурголтае, Гезегете, Гильбуре, Гыгетуе, Дабхуре, (Усть) Джиде, Дунжое, Дунгуе, Дырестуе, Едуе, Енхоре, (Букун) Жергалантуе, Жергалантуе, Загустае, Закуят, Зуе, Иволге, Илигине, Инзагатуе, Иро, Ичатае, Килгантуе, Кирете, Киретуе, Кударе, Мангее, Мангиртуе, Мурочи, Муртое, Мухоре, Нарин Горихоне, Нарине, Няньге, (Нижнем и Верхнем) Оронгое, Соготу, Солдатскому урочищу, Субуктуе, Судутуе, (Усть) Судутуе, Сужее, Сутое, Табхаре, Тагалцаре, Тамчине, Тасурхае, Ташире, Темнике, Тоене, Торее, Торме, (Букун) Тохое, Тэле, (Хара) Убусу, Убуре, Удунге, Укер Чолутае, Улалзаю, (Улан) Ганге, (Улан) Хаде, Улунтуе, Унагатуе, Ундур Добое, Унегетуе, Урлуке, Урме, Халгату, Хамнигадае, Хангидае, Харанхое, (Букун) Харгане, Харлуне, Харохое, Харьяском, Хилокском, Холуе, Хотхолдоче, Худаге, Хужиртуе, (Верхнем и Нижнем) Цагатуе, Цараме, Чикойском, Шабартуе, Шазагае, (Верхнем, Среднем и Нижнем) Шергалжине, Шоно⁵.

Как отмечалось ранее, к концу столетия функционировала преимущественно двухразовая система кочевков, поэтому следует допустить, что в каждом из мест, названных в выше приведенном перечне, имелись как зимники, так и летники со стационарными жилищами. Дело в том, что сложившаяся система землепользования, когда отдельная община *булак* (часть) владела несколькими близлежащими падами, в границах которых располагались ее покосы и выгоны, привела к распространенной практике, предполагавшей расположение зимников на выгонах, занимавших низину падей, а летников – на расположенных в верхней части падей по-

косах [Материалы..., 1898. С. 11]. Покосы ограждались общественной покотиной.

В материалах переписи 1897 г. вместо ожидаемого перечисления населенных пунктов полукочевых и полуоседлых бурят Селенгинского ведомства названы лишь урочища, в которых те кочевали. Только для части упоминаемых местностей, в основном заселенных представителями Селенгинско-Харанутского рода, сделано замечание о наличии улусов. Официально в Селенгинском ведомстве насчитывалось 13 улусов, причем в одном урочище могли сосуществовать сразу нескольких улусов, которые для простоты нумеровались. Например, в урочище Иволга располагалось 5 улусов, а в Оронгойском урочище – 3 [Патканов, 1912. С. 660]. Большинство из улусов относилось к средним по размерам поселениям, имевшим от 33 до 50 хозяйств. Наиболее населенными были улус № 2 из урочища Загустай (97 хозяйств, 535 чел.) и улус № 1 из урочища Иволга (75 хозяйств, 411 чел.). В других урочищах, вероятно, находились небольшие стационарные поселения, не считавшиеся властными структурами улусами в строгом смысле слова.

Процесс, когда роды превратились в экстерриториальные объединения и поселения формировались из представителей разных родовых сообществ, о чем сообщалось в ранее цитировавшемся источнике, прослеживается повсеместно.

Заметим, что тенденция, имевшая место у предбайкальских бурят, со всей очевидностью стала проявляться и у селенгинских бурят, когда сезонные перекочевки совершались только частью семьи, или наемными пастухами, следившими за хозяйским стадом, а владельцы крупных или средних стад постоянно жили в улусах [Осокин, 1906. С. 144]. Население улусов было неоднородно не только по причине его формирования из выходцев из различных родов, в том числе мигрантов из других бурятских ведомств, но и вследствие того, что его обитателями являлись представители различных хозяйственно-бытовых групп (полуоседлые, полукочевые, кочевые буряты). Не случайно поэтому в летний сезон некоторые поселения оказывались полностью опустевшими, а другие – лишь наполовину [Потанина, 1912. С. 43].

Численность иноэтничного населения, преимущественно русского, в бурятских

⁴ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3075. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 22–24.

поселениях была небольшой (в 1897 г. – 67 чел.). Например, среди представителей Селенгинско-Харанутского рода проживал 1 русский, Черноурдского – 3 чел., 2-го Сартолового – 1 тунгус. В то же время в поселениях оседлых бурят русские были более представлены – так, в Иннокентьевском имелось таковых 26 чел., а в Стрелочном – 13 чел. [Патканов, 1912. С. 672–673].

Расстояния между зимними и летними поселениями, в сравнении с первой половиной XIX в., уменьшились до 1–20 км из-за сокращения свободной земли.

Зимние улусы в основном представляли небольшие поселения в 5–20 разбросанных далеко друг от друга хозяйств. В каждой усадьбе имелся или дом с войлочной юртой, или войлочная и деревянная юрты, несколько невысоких стоек (для крупного и мелкого рогатого скота) и крытых дворов (для кормежки скота), амбар [Потанина, 1912. С. 182]. Могли быть также загородки для склада сена, гумна с «зародами» хлеба [Петерсон, 1901. С. 149]. В конце XIX в. в усадьбе состоятельных людей, кроме жилых зданий, было несколько амбаров, в том числе для хранения зерна, ледник, кузница и даже сарай для конных экипажей [Потанина, 1912. С. 48].

На большом расстоянии от жилых и хозяйственных построек усадьба по периметру ограждалась частоколом или пряслами, называемыми в народе телятниками.

Весенние и осенние поселения, по словам Н. Петерсона, мало отличались от зимников, но в сравнении с ними «постройки здесь (были. – А. Б.) не так многочисленны и менее солидны» [1901. С. 149].

Летние поселения, составленные также из войлочных и деревянных юрт, не ограждались и были более компактными, чем зимники. По Н. Петерсону, около деревянных юрт обыкновенно строились «амбары, сараи, загородки для рогатого скота и овец и т. п.» [Там же]. В отличие от зимников, в летних поселениях (особенно в тех, в которых были войлочные юрты) население было непостоянным и часто мигрировало.

Новые черты, отчетливо проявившиеся к концу XIX в. в жилищно-поселенческом комплексе предбайкальских бурят, выявляются, хотя и локально, у селенгинских бурят. Например, бывшие полуоседлые буряты, перешедшие к оседлому существованию, в частности, чикойско-харанутские

буряты, не отказывались от привычки переселяться летом из дома в деревянную юрту, находившуюся здесь же в одной ограде с домом [Кроль, 1896. С. 11], а для бурятских поселений, размещавшихся поблизости от Верхнеудинска, стала характерна правильная уличная планировка.

В улусах, в которых размещались степная дума и родовые управления, строились соответствующие общественные здания. По данным 1859 г., в ведомстве имелись: здания степной думы и училища, тюремная изба, сарай для хранения пожарных инструментов, завозня для складирования овечьей шерсти, 48 экономических магазинов, выстроенных в улусах, и 2 магазина – в поселениях оседлых⁶. В ряде улусов и деревень работали кузницы (всего 10).

Поселениями также надлежит считать буддийские монастыри (*дацаны*), которых в ведомстве насчитывалось 13. Каждый из дацанов представлял собой отдельное поселение с множеством храмов (всего имелось 13 основных храмов *хурэ* и 75 малых храмовых зданий *дуганов*), жилых и хозяйственных построек. Здесь жили монахи, их ученики и лица обслуживавшего персонала. Кроме этого, через ведомство были проложены трактовые дороги, на местах остановок были обустроены 8 почтовых станций, находившихся на содержании степной думы. Небольшими поселениями также являлись мукомольные мельницы с усадьбами их владельцев. В 1860 г. в ведомстве было зафиксировано 12 мукомольных мельниц «об одной поставе, колесчатые, почвенные», выстроенные на речках Торей, Алцак, Бургалтай, Нарын, Ичетой, Дунжой (Дунелой), Песчанка, Шергалжин⁷.

В 1859 г. в Селенгинском ведомстве имелось 4 938 войлочных юрт (45,5 % частных жилищ), 4 409 деревянных юрт (40,6 %), 1 510 домов (13,9 %)⁸. В следующем году было построено 245 войлочных (77,8 % жилых новостроек) и 56 деревянных юрт (17,8 %), 14 домов (4,4 %), что указывает на сохранение предпочтения основной массой бурят войлочных юрт. Согласно документа «Отчет о действиях ИРГО», в 1863 г. у забайкальских бурят в целом насчитывалось 20 тыс. войлочных юрт и ежегодно заводи-

⁶ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2815. Л. 85 об., 86.

⁷ Там же. Д. 3075. Л. 12 – 12 об.

⁸ Там же. Д. 2815. Л. 85 об., 86.

лось 300 новых юрт [Сгибнев, 1864. С. 46]. В 1886 г. пропорции между типами жилищ выглядели следующим образом: 5 216 войлочных юрт (34,5 % жилищ), деревянных юрт – 6 794 (45 %), домов – 3 096 (20,5 %). Безусловно, изменения коснулись, прежде всего, количества войлочных юрт и домов (падение числа первых было на 11 %, рост последних – на 6,6 %). Понятно, что выбор в пользу домов обуславливался процессом оседания селенгинских бурят, но, одновременно с этим, наблюдавшийся рост деревянных юрт следует связывать с тенденцией перехода к полуоседлому существованию. Сопоставимые темпы прироста войлочных и деревянных юрт в последующее десятилетие (число войлочных юрт к 1895 г. выросло на 127 ед., деревянных – на 153) позволяют утверждать привлекательность войлочной юрты для определенного круга селенгинских бурят (кочевых и полукочевых).

Зимними видами жилищ в 50-е гг. XIX в. у селенгинских бурят были войлочные и деревянные юрты, а также избы, сложенные, по Р. Мааку, из «легких, тонких, наскоро сложенных бревен и обложенных снаружи смесью из глины, навоза и земли» [1859. С. 16]. Войлочные юрты оставались жильем как для богатых, так и бедных скотоводов. Летними жилищами служили войлочные и 4-стенные, срубленные из тонких бревен, юрты, у которых обычно были земляные полы.

К началу XX в. перемены в использовании разных типов жилищ не произошло, в зависимости от локальной традиции существовали разные сочетания сезонных видов жилья. Так, боргойские буряты, зимой привычно жившие в войлочной юрте, лето проводили в бревенчатой юрте [Вяткина, 1969. С. 67]. Теперь эти в недавнем прошлом номады были вынуждены перейти к полукочевому скотоводству и обзаводились на летних пастбищах деревянными юртами.

В рассматриваемый период наблюдалась заметная трансформация в используемых домах русско-сибирского типа. В конце столетия многие дома у селенгинских бурят представляли собой сложенные из круглых бревен однокамерные постройки с сенями, поставленные на деревянные подушки. Стены таких домов достигали в длину 13–19 м и в высоту 3,6 м. Над дверным проемом делали козырек, к входу приставляли невысокую лестницу. Двускатная крыша была те-

совая или сложенная из драницы. Два-три окна, затянутые бычьим пузырем, обычно смотрели на солнечную сторону. Внутри дом иногда имел внутренние перегородки.

В конце XIX в. состоятельная прослойка бурят начала застраиваться высокими просторными двухкамерными домами с несколькими остекленными окнами, имеющими декоративно оформленные наличники и крашеные ставни, с высоким крыльцом. В таких домах были 2 или 4 жилые комнаты, при этом внутреннее пространство жилища условно делилось на «черную» половину для прислуги и молодняка и «чистую» – для хозяйской семьи [Осокин, 1906. С. 182–183]. Дом отапливался кирпичной или глинобитной русской печью, часто с плитой, и совмещенной с голландской печью. Дома с русской или голландской печью локализовались у бурят, проживавших в долинах рек Оронгой, Иволга и по низовьям рек Чикой и Хилок [Кроль, 1896. С. 14].

Внутри дома простые буряты старались воссоздать привычную обстановку юрты. Для этого пол нередко оставляли земляным, почти непрерывно топили печь, не давая домашнему огню погаснуть. Только богатые домовладельцы делали в доме деревянные полы и потолок, а щели проконопачивали [Там же. С. 183].

По-видимому, к началу XX в. прежний облик бревенчатых 4-стенных юрт несколько преобразовался так, что некоторые путешественники воспринимали его как особый бурятский дом: «По наружному виду бурятский дом отличается от русского менее толстыми бревнами, с меньшим числом или совершенным отсутствием окон, а часто и трубы. Дым выходит через открытую дверь или через отверстие в крыше. Весьма простое внутреннее устройство бурятских домов таково же, как и в юрте. Только пол в них четырехугольный и печь построена из кирпича» [Кейзерлинг, 1900]. Из приведенного описания можно вынести, что со временем юрта все более превращалась в некое гибридное жилье, в котором буряты стремились синтезировать достоинства двух разных прототипов – бурятской бревенчатой юрты и русского дома.

К концу XIX в. происходила замена 4-стенных юрт с 4-скатной крышей на переходные типы – юрты *тираг* с 2-скатной крышей, кровлей самцовой конструкции с выпуском бревен над входом, или, как ва-

риант, без какого-либо козырька над входом, с небольшой лестницей. Юрта *пираг* имела сруб из 10–12 венцов, небольшие оконные проемы, обращенные на юг. Крыша обычно покрывалась дранкой. В таких юртах пол встречался как настеленный (дощатый), так и земляной. Для вентиляции помещения в задней стене оставлялся зазор, закрываемый свободно вынимающейся доской или ставнем. Юрта обогревалась закрытым очагом – четырехугольным невысоким срубом, набитым глиной, или же открытым очагом, на котором устанавливался таган для котла.

Наряду с 4-стенными бревенчатыми юртами получили распространение их дощатые аналоги, которые, конечно, были более пригодны для летнего и межсезонного проживания, чем в зимнюю пору.

Войлочная юрта по конструкции оставалась прежней – 6–8-стенной, решетчатой, монгольского типа. Вместе с развитием домостроительства этот тип жилья все более приобретал сугубо хозяйственную функцию. Подтверждение этому находим в документах степной думы: «...войлочные юрты как необходимая принадлежность разбивается зимою возле каждого дома для содержания в ней постоянного огня для варения пищи и чая и содержания в оных в большие морозы телят и ягнят»⁹.

Зимнее содержание скота различалось у хозяйственно-бытовых групп селенгинских бурят. Кочевые и полукочевые буряты для ночевки скота готовили рядом с юртами очищенные от снега круглой или овальной формы площадки *хоттоны*, защищенные с северной стороны снежным валом и стеной из деревянных щитов *хошонов* [Петерсон, 1901. С. 203].

Полуоседлые и оседлые буряты держали домашний скот в загонах или хлевах, сложенных из плетня, обмазанного глиной и прикрытого соломой [Бюлер, 1859. С. 224]. Известны были также 3-стенные стайки-навесы для содержания крупного рогатого скота, открытые на юг. Для мелкого рогатого скота обычно плели «из тальника небольшие сараи, которые обмазывают кругом скотским пометом» [Там же. С. 22]. Стайки нередко были в виде низких 4-стенных бревенчатых построек, их также тщательно утепляли, используя в качестве шпаклевоч-

ного материала навоз [Осокин, 1906. С. 185]. По сложившейся традиции, сруб стайки укладывали из тонких бревен, кровлю крыли дранкой или, иногда, листьями лиственничной коры. Как отмечала А. В. Потанина, молодняк держали иногда в отдельных избах, где пекли домашний хлеб [1912. С. 48]. Чаще всего приплод находился под присмотром в доме или юрте.

По расчетам, которые сделал Н. Петерсон, оказалось, что предназначенные для содержания скота постройки, имевшиеся у бурят-скотоводов, были «более обширными и более дорогими помещениями», чем у бурят-земледельцев [1901. С. 16]. При этом он подчеркивает, что такие хозяйственные постройки были явлением редким и принадлежали только самым состоятельным хозяйствам. У оседлых бурят, кроме богатой их части, придавалось малое значение основательности и размерам дворов и стоек для скота.

Строительство домов русско-сибирского типа, как правило, велось наемными работниками из числа местных жителей – во второй половине XIX в. таким промыслом было охвачено немалое число бурят. Для примера, по данным на 1875 г., среди селенгинских бурят значилось 69 печников, 1 310 плотников, 50 кирпичников¹⁰. Труд этих людей, как показывают архивные документы, был востребован также в городах и русских селениях соседних волостей Западного Забайкалья.

Подытоживая, можно констатировать, что в изучаемый период число поселений у селенгинских бурят возросло. Это было связано с воздействием ряда факторов экзогенного и эндогенного характера (в том числе по причине увеличения полуоседлого и оседлого населения в данной этнотерриториальной группе). В планировке некоторых поселений и в устройстве усадеб ощущались новации, связанные с влиянием русской традиции. Пропорции среди разных типов жилищ изменялись в пользу домов, в то же время войлочная юрта не утратила своего значения для части селенгинских бурят. Совершенствование бревенчатой юрты происходило в направлении создания гибридных форм, сочетавших элементы русского дома и традиционной юрты.

⁹ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3262. Л. 53.

¹⁰ Там же. Д. 2060. Л. 6 об.

Список литературы

Бюлер Ф. А. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и шаманство // Отечественные записки. СПб., 1859. Т. 125. С. 201–258.

Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 218 с.

Кейзерлинг Р. Сибирь: Из путевых записок. М.: Университет. тип., 1900. 250 с.

Кроль М. О забайкальских бурятах // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Вып. 1–3. С. 1–26.

Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году, Р. Мааком. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1859. 590 с.

Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области / Сост. Д. Головачев. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 16: Бюджеты. 399 с.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип А. С. Суворина, 1906. 304 с.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения

Сибири, язык и роды инородцев. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Тип. Ш. Буссель, 1912. 1002 с. (Зап. ИРГО. Отд. статистики. Зап. Т. 11, вып. 3).

Петерсон Н. Возможность и условия земельного устройства забайкальских кочевых инородцев: Докладная записка по поводу командировки в Забайкалье летом 1900 года делопроизводителя совещания Н. Петерсона. СПб.: Гос. тип., 1901. 373 с.

Потанина А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. 2-е изд. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1912. 61 с.

Сгибнев А. С. Отчет о действиях Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества за 1863 г. // Записки Императорского Русского географического общества, издаваемые под редакцией К. Н. Бестужева-Рюмина. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1864. С. 1–66.

Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят: Этнографический очерк // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1898 [1900]. Т. 1, вып. 3. С. 79–135.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2012

A. A. Badmaev

HOUSING AND SETTLEMENT COMPLEX SELENGA BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

The problem of studying the housing and settlement complex Selenga buryats not received sufficient lighting in the home ethnography. This work is devoted to identification of the main trends in the development of settlements and dwellings of the ethno-territorial group of buryats in the second half of the XIX – beginning of XX century. A source base of the research consists of archival, statistical and literary materials. It was found out, that in the period under review, there was an increase in the number of settlements, changed the ratio of different types of housing, there were innovations in traditional architecture (in particular, in a log cabin yurt), along with borrowing houses of the Russian-siberian type were created hybrid types of dwellings.

Keywords: Western Transbaikalia, Selenga buryats, housing and settlement complex.